
УДК 316.4.06

DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.02

ЯКИМОВА Е.В.* СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (Обзор книги)

Аннотация. Обзор знакомит с инновационными методами анализа повседневности в современной европейской социологии и гуманитарной географии. Основное внимание уделяется эмпирическим проектам качественного изучения различных аспектов рутинного – как материальных и овеществленных характеристик привычных действий, запечатленных в объектах и отношениях, в пространстве и времени, в воспоминаниях, тактильных, зрительных и слуховых образах. Цель таких проектов заключается в выявлении социальных составляющих обыденной жизни, которые чаще всего остаются латентными.

Ключевые слова: повседневность; качественные методы в социологии; латентные характеристики социальной реальности; рутинные действия; материальность; новый материализм; память; ритм-анализ; Ж. Перек; А. Лефевр.

Для цитирования: Якимова Е.В. Социология повседневности : новые подходы и методы исследования (Обзор книги) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 4. – С. 14–32. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.02

Статья поступила: 26.09.2023.

Принята к публикации: 13.10.2023.

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; e.yakimova2011@yandex.ru

YAKIMOVA E.V.** Sociology of everyday life: new approaches and methods (Book review)

Abstract. This review introduces innovative methods of analyzing everyday life in contemporary European sociology and human geography. The main focus is on empirical projects of qualitative study of various aspects of the routine – as materialized characteristics of habitual actions, captured in objects and relations, in space and time, in memories, tactile, visual and auditory images. The aim of such projects is to reveal the social components of everyday life, which most often remain latent.

Keywords: everyday life; qualitative methods in sociology; latent characteristics of social reality; routine actions; materiality; new materialism; memory; rhythm analysis; G. Percey; A. Lefebvre.

For citation: Yakimova E.V. Sociology of everyday life : new approaches and methods (Book review). Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 4. – P. 14–32. DOI: 10.31249/rsoc/2023.04.02

Received: 26.09.2023.

Accepted: 13.10.2023.

«Мы замечаем, что поезда существуют, только тогда, когда они сходят с рельсов, и чем больше пострадавших, тем явственнее для нас существование поездов» – эти слова (в вольном пересказе) принадлежат самому известному «певцу повседневности» прошлого столетия, французскому писателю, сценаристу и режиссеру Жоржу Переку (1936–1982). Своим творчеством Перек стремился привлечь внимание современников к банальному и само собой разумеющемуся вокруг нас – в противовес обывательской жажде экстраординарного и из ряда вон выходящего. Перек ратовал за отказ от экзотики в жизни и творчестве в пользу эндотической (или инфраординарной) антропологии, позволяющей проникнуть в

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e.yakimova2011@yandex.ru

скрытые смыслы обыденности и рутины. По мнению британского социолога Л. Бэка (Голдсмитский университет Лондона, Великобритания), Ж. Перек предвосхитил новую волну интереса к повседневным аспектам жизни со стороны социальных исследователей XXI в. [Back, 2020, p. XV]. В русле обновленной социологии повседневности последних лет особое значение приобретают инновационная интерпретация обыденного и, в особенности, поиск способов «сделать обычное примечательным» для исследователей, принадлежащих к разным направлениям социального знания. Эта задача, считает Бэк, заметно облегчается в век цифровых технологий, которые расширяют диапазон традиционных эмпирических методов (опрос, интервью, включенное наблюдение, фотографии и пр.) и позволяют восстановить в правах жизнь в ее банальных проявлениях [ibid., p. XVII].

Разработка и применение в исследовательской практике техник фиксации рутинных составляющих повседневности позволяют иначе трактовать работу социолога, который становится не только наблюдателем и аналитиком, но и ремесленником в полном смысле этого слова, настаивает Бэк. Социолог, по его мнению, располагает навыками и инструментами, которые позволяют препарировать повседневность в качестве значимой, смыслообразующей структуры в жизни общества. Именно такую задачу – демонстрацию социологического ремесла в действии – поставили перед участниками коллективной монографии «Повседневные методы: инновационные подходы к исследованию обыденности», посвященной поиску экстраординарного в обычном (в духе эндотической антропологии Перека) ее редакторы – социолог Х. Холмс и специалистка в области гуманитарной географии С.М. Холл (Манчестерский университет, Великобритания) [Mundane methods ... , 2020].

Во введении Холл и Холмс подчеркивают, что осмысление и интерпретация повседневности в терминах социологии в наши дни актуальны как никогда. Первоначальный интерес к феномену обыденного наметился в социальных науках и в сфере искусства в начале 1970-х годов, на гребне «культурного поворота» в общественном сознании, когда фокус социальных наук сместился на поиск смыслов в том мире, что нас окружает. Макроструктурный анализ и внимание к экстраординарному постепенно утратили свою главенствующую роль в социологии, уступив место самому пристально-

му исследованию повседневного – привычного, неприметного, банального, того, что выглядит «ослепляюще очевидным» [Hall, Holmes, 2020, p. 1–2]. Социологи обратились к описанию явлений и процессов, данных в повседневном опыте и составляющих ткань этого опыта – к привычкам, повторяющимся поведенческим паттернам, рутинным актам, неприметным и ничем не примечательным вследствие своей тривиальности. Однако, продолжают свои рассуждения Холл и Холмс, тривиальность повседневной жизни и опыта не означает их несущественность как аспектов социальной реальности. Действительно, повседневность всегда локализована, наблюдаема и в определенном смысле «завершена», и вместе с тем она служит «окном в актуальную проблематику взаимодействий между локальным и глобальным» [ibid., p. 2]: повседневность реализует себя в рамках гигантского оборота капиталов, информационных потоков и человеческих ресурсов в мировом масштабе.

Исследователи до сих пор не пришли к единому пониманию феномена повседневности, тем более что одной-единственной повседневности не существует, замечают авторы введения. Рутинная социальная жизнь многолика и располагает множеством способов своего проявления. В самом общем виде повседневное может быть описано как пространство социальной жизни, которое образуют ежедневно повторяющиеся циклы рутинных действий, требующие первоначального «научения», но в дальнейшем воспринимающиеся как сами собой разумеющиеся элементы обыденного опыта. Разнообразие повседневности, в свою очередь, предполагает разнообразие подходов и методов ее изучения, равно как и осмысление ее на микро-, мезо- и макроуровнях социального анализа. Кроме того, повседневность представляет интерес для самых разных социальных и гуманитарных дисциплин, включая, помимо социологии, философскую рефлексии, социальную и гуманитарную географию, антропологию и культурные исследования, психологию, социолингвистику, этнографию, историю и т.д. Иначе говоря, подчеркивают Холл и Холмс, описание и интерпретация обыденного – это задача целого ряда научных дисциплин и поле для перспективного междисциплинарного диалога, в том числе по поводу методов изучения повседневного в его самых разных проявлениях.

Переходя к обзору способов осмысления повседневной жизни в терминах социологии, авторы обращают внимание на необхо-

димось методологического синтеза традиционных вариантов качественного эмпирического исследования с новейшими версиями методологий, базирующимися на оригинальных теоретических подходах (например, в рамках нового материализма, социального анализа эмоций, критической (прежде всего феминистской) теории и представлений о воплощенном знании). Главный методологический посыл редакторов монографии – практика качественной (непозитивистской) социологии повседневности, где акцент делается на наблюдении и «со-участии» исследователя и респондентов, а не на сборе количественных данных и их измерении. Авторы также подчеркивают, что подборка работ, вошедших в коллективную монографию о повседневности, имеет как чисто научную, так и сугубо практическую, дидактическую направленность. В современной социологической литературе ощущается очевидный дефицит практических пособий, предоставляющих в распоряжение специалистов и студентов алгоритмы проведения качественных эмпирических исследований, касающихся повседневного опыта. Этот пробел отчасти призваны восполнить отчеты о практике изучения обыденной жизни, составляющие содержание рассматриваемой книги. Наиболее интересные тексты из этой подборки нашли отражение в настоящем обзоре.

Глава, подготовленная Х. Холмс, знакомит читателей с методом объектного интервью как средства «осмысления повседневной жизни и структурирующих ее социальных, политических и экономических факторов» [Holmes, 2020, p. 67]. Фокусом изучения повседневности в данном случае является совокупность отношений, которые связывают в обиходной среде субъекта с его объектом (предметом, которым владеет субъект и который находится в постоянном использовании). Отличительной чертой предложенного метода служат: а) пристальное внимание к материальным аспектам повседневности, составляющим ее «ткань»; б) взаимные отношения субъекта (владельца вещи) и объекта (предмета повседневного обихода); в) их взаимовлияние, описанное в терминах физических (материальных), а не символических контактов. Автор поясняет, что речь идет о том, как материальные свойства и специфика обиходных предметов (чашка для утреннего кофе, кроссовки для пробежки, рабочий стол, детские игрушки, рисунки и фотографии, подарки, доставшийся в наследство сервиз и т.п.) оп-

ределяют их отношения с владельцами и, наоборот, как сам факт обладания вещью (наличие у нее владельца) формирует «биографию» последней [Holmes, 2020, p. 66]. Метод объектного интервью нацелен на поиски и демонстрацию значения (важности, смысла) вещи для ее владельца, с одной стороны, и реконструкцию «жизненных путешествий» самих вещей, их «практики» в контексте меняющихся либо константных отношений с владельцем – с другой. Таким образом, резюмирует свою позицию Холмс, повседневность, осмысленная как ткань материальных взаимоотношений субъекта и объекта, олицетворяет собой контекст взаимодействия и обоюдного влияния предмета (вещи) и его владельца (индивида).

Метод объектного анализа, продолжает автор, можно расценивать как один из результатов «материального поворота» в социальных науках и культурных исследованиях, который наметился еще в 1990-х годах. Сегодня чаще говорят о «новом материализме» как метатеории и методологии социального и культурного анализа, которые акцентируют материальное (субстанциональное), а не символическое измерение социальной реальности. Так, в социологии потребления в центре внимания исследователей теперь находятся ежедневные рутинные паттерны совершения покупок и ассоциированные с ними феномены (например, идеология экономного, или «зеленого» потребления), а не символическая роль индивидуального потребления как фактора личностной идентичности. На первый план выходят материальные аспекты культуры, а вместе с ними – материальное наполнение повседневности, ее субстанциональность в самых разных формах.

К сожалению, констатирует Холмс, существующие качественные методы изучения обыденного в его овеществленном измерении весьма немногочисленны. Кроме того, даже самые перспективные из них страдают односторонностью: приоритет в исследовании отдается либо субъекту (владельцу предмета), либо объекту (материальной вещи, живущей своей собственной жизнью). Примером последнего может служить изучение материальности как «следования за вещью», когда аналитик реконструирует жизненный путь объекта и его качественную трансформацию (из полезного ископаемого – в атрибут роскоши) без учета его многочисленных связей с опосредующими это преобразование субъекта-

ми. Очевидно, что сугубо объектный фокус игнорирует роль и функции субъектов, с которыми объект вступает в материальные отношения в процессе своего жизненного путешествия (например, «жизненный путь» папайи с плантацией Ямайки до прилавка супермаркета в северном Лондоне). Обратная крайность характерна, к примеру, для метода культурного зондирования, когда предмет рассматривается исключительно в качестве материального (овеществленного) «резервуара» воспоминаний субъекта; в этом случае актуальны только субъективные нарративы, запечатленные в предмете благодаря памяти его владельца, тогда как жизненная история самой вещи остается за скобками.

Холмс намерена преодолеть субъектно-объектную дихотомию в исследованиях повседневности с помощью метода объектного интервью. В качестве теоретического обоснования она использует акторно-сетевую модель Б. Латура, акцентируя тезис об онтологии человеческого и нечеловеческого как сети их обоюдных связей. Конкретизируя идеи Латура применительно к практике объектного интервью, Холмс обращается также к эмпирическому исследованию К. Хамфрис и Э. Смит, предложивших методологию качественного изучения «нарративов, сфокусированных на объекте» [Humphries, Smith, 2014, p. 479]. Позиция Хамфрис и Смит импонирует автору метода объектного интервью тем, что она предполагает равное внимание в отношении физических свойств объекта, его чувственно воспринимаемых материальных качеств и ассоциированных с ним субъективных нарративов. В таком случае биография вещи оказывается привязанной к множеству ее жизней в прошлом и настоящем в контексте множества связей с разными людьми, которые владели этой вещью, поясняет свою мысль Холмс. Именно этот подход стал определяющим в практике проведения объектных интервью, предпринятых автором.

В заключение Холмс приводит пошаговую инструкцию по применению своего метода в эмпирических исследованиях повседневности (как самостоятельного проекта либо составной части более широких научных задач). Следуя рекомендациям Хамфрис и Смит, Холмс выделяет три категории объектных характеристик, которые в совокупности позволяют понять роль, значение и функции вещи в повседневном обиходе. Эти характеристики в том или

ином виде непременно должны фигурировать в перечне вопросов, которые исследователь предлагает участникам:

а) субстанциональность (физические свойства вещи, ее форма, текстура, запах, цвет, размер, а также следы переделки или ремонта);

б) практика (способы использования вещи в повседневной жизни – по назначению либо иначе; значение предмета для владельца – практическое или символическое; его принципиальное неиспользование и причины этого);

в) биография (ассоциированность предмета с личными воспоминаниями владельца или памятливыми датами, история приобретения вещи или ее наследования, вероятная связь предмета с другими вещами или людьми, ее существование как части коллекции аналогичных предметов).

Примерами предметов повседневного обихода, которые составляли «субстанциональность» объектных интервью Холмс, служат сувениры на каминной полке; старая кастрюля; ржавая садовая лопата, доставшаяся в наследство от отца; нижняя часть маминого гардероба, переделанная в банкетку; детские ботиночки и рисунки; коробка для CD-дисков в качестве контейнера для кухонных мелочей и т.п. Приведенные выше вопросы о материальных аспектах отношений между предметами и их владельцами позволяют добиться «методологического равноправия» субъекта и объекта. Именно в этом состоит цель изучения повседневности с помощью объектного интервью, т.е. посредством способа обнаружения материального значения и потенциала «вещей» как акторов повседневности и их роли в качестве «резервуара» субъективных жизненных нарративов [Holmes, 2020, p. 81].

С. Вудворд (Манчестерский университет, Великобритания) продолжает обсуждение материальных аспектов повседневности и предлагает свой вариант их изучения в качестве «материальных коллекций» [Woodward, 2020]. Коллекция, т.е. собрание, или ассамбляж вещей, организованных по тем или иным принципам (тематическим, пространственным, символическим, формальным), обычно рассматривается в социологии как совокупность предметов вне их практического употребления. Вудворд предлагает иной подход – описание и анализ материальных организованных совокупностей вещей в контексте рутинных практик их использования

(или неиспользования) владельцем. В этом случае «жилище и любое другое пространство повседневности оказывается заполненным коллекциями объектов» [Woodward, 2020, p. 17], включая те, которыми пользуются регулярно, и те, что пылятся на дальней полке. Таким образом, собрание материальных предметов в структуре повседневности получает осмысление в качестве атрибута рутинных практик. Примерами материальных коллекций в их интерпретации автором служат гардероб, буфет, каминная полка, гараж, чердак и любое другое пространство, где обычно хранят необходимые вещи. Вудворд подчеркивает, что метод материальных коллекций нацелен на выявление повседневных ассамбляжей вещей в качестве неочевидных составляющих обыденной жизни.

Данный метод, как и методологические принципы объектного интервью Х. Холмс, акцентирует многообразие субстанциональных отношений между субъектами и объектами повседневности. В фокусе качественного эмпирического исследования находятся отношения:

а) между вещами (как именно элемент коллекции обретает свое место, роль и значение в ассамбляже вещей);

б) между вещами и пространством (где именно хранятся вещи, каково их расположение в коллекции в зависимости от их актуальности для владельца);

в) между людьми (каковы их отношения, опосредованные тем или иным элементом коллекции, как эти отношения влияют на пространственное размещение и использование вещей).

Благодаря методу материальных коллекций «становится очевидным тот факт, что анализ отношений между вещами открывает дорогу для понимания отношений между людьми» в контексте повседневности, резюмирует свои рассуждения Вудворд [Woodward, 2020, p. 17–18]. Автор иллюстрирует продуктивность своего метода на примере двух проектов, связанных с овеществленными характеристиками повседневности. Помимо анализа материальных коллекций, в этих проектах применялись объектные интервью, этнографические наблюдения, картирование и визуальные способы фиксации информации (фотографии и зарисовки). Предметом первого проекта послужил платяной шкаф современной британки; его целью являлось описание отношения женщины к своей одежде, хранящейся в гардеробе [Woodward, 2007]. Шкаф

в данном случае олицетворял собой пространство хранения материальных коллекций и аккумулировал представления хозяйки о составляющих этой коллекции. Информанткам были предложены вопросы о вещах, находившихся в шкафу: что они носят постоянно либо от случая к случаю, берегут «на выход», выбирают для деловых или романтических свиданий, занятий спортом, для посещения бассейна и т.п. Другая группа вопросов была связана с вещами, которые не носят в принципе или надеваются крайне редко. В ходе интервью фиксировалось расположение вещей в гардеробе и связь их местоположения с актуальностью того или иного предмета одежды для участницы исследования, с вероятными эмоциональными ассоциациями, воспоминаниями либо соображениями престижа или имиджа (не идет, старит, не по возрасту, не по статусу и т.п.). Эмоциональная составляющая материальных коллекций подлежала обсуждению в связи с жизненными ситуациями и отношениями, опосредованными вещами (свадебное платье, связанная мамой кофточка, «удачливый» пиджак, велосипед один на двоих с приятелем и т.п.). Таким образом, вопросы, предлагавшиеся участницам проекта, были связаны с материальностью вещей, пространственными аспектами их расположения (под рукой, в углу, на дальней полке), другими людьми и событиями из прошлого.

Второй проект Вудворд назывался «Бездействующие вещи». Здесь «аудиту» подлежал не только платяной шкаф, но и домохозяйство в целом. При этом учитывались пространственные характеристики домов и наличие в них места для ненужных предметов (чердак, чулан, гараж, гардеробная комната). В ходе интервью респонденты отвечали на вопросы о местах хранения вещей, которыми не пользуются, и о причинах их хранения (хлам, который давно пора выбросить; старый сундук бабушки и ее швейная машинка; мамин сервиз; папин инструмент; первые ботиночки дочери и т.п.). В этом проекте акцент делался на осмыслении отношений между людьми с помощью вещей, ассоциированных с памятливыми моментами биографии владельцев, а также на роли воспоминаний как фактора формирования материальных коллекций, подчеркивает автор.

В завершение Вудворд кратко характеризует вероятные перспективы практического применения метода материальных кол-

лекций в социологии. С ее точки зрения, этот метод открывает новые пути для социологического прочтения культуры потребления и потребительских практик, объекты которых поддаются осмыслению в терминах материальных коллекций. Далее предложенный метод может оказаться полезным для социологического и социально-психологического анализа межличностных отношений в их материальных (овеществленных) измерениях. Наконец, новый методологический подход позволяет проследить материальные составляющие обыденной жизни в их временной трансформации. Самая главная особенность повседневности, резюмирует Вудворд, это ее незаметность, которая становится очевидной благодаря пристальному вниманию к ее овеществленным деталям [Woodward, 2020, p. 26].

Роль памяти как фактора конституирования повседневности рассматривается в работе К. Видерберг (факультет социологии и гуманитарной географии, Университет Осло, Норвегия) [Widerberg, 2020]. Автор представляет свой способ качественного эмпирического изучения рутинных аспектов реальности, который она именуется методом работы с памятью (а также – работы памяти), то есть документирования обыденного посредством воспоминаний и их реконструкции в виде историй и нарративов. Данный метод, по мнению Видерберг, является действенным подспорьем для проникновения в многослойную структуру обыденной жизни в ее самых банальных и неприметных проявлениях, воспринимающихся как «очевидная данность» [ibid., p. 49]. Таким образом, норвежская исследовательница, как и ее коллеги из Манчестерского университета, видит задачу социологии повседневности в проблематизации тривиального, т.е. в выявлении в рутинных жизненных контекстах слоев и структур, которые делают эти контексты интересными для социологического знания. Фокусом работы с памятью служат воспоминания людей о тех или иных жизненных ситуациях в прошлом, о знаковых событиях, встречах, вещах и отношениях, которые после их «активации» открывают возможности для интерпретации актуальной социальной тематики, выходящей за рамки эпизодов субъективной памяти.

Работа с памятью, продолжает Видерберг, это практическая реализация и детализация метода коллективных воспоминаний немецкого социального философа Ф. Хауг. Исследования Хауг как

представительницы марксистского феминизма касаются преимущественно сексуализации женского тела, гендерной асимметрии и дискриминации в обществе постмодерна [Female sexualization ... , 1987]. Хауг и ее единомышленницы стремились сделать явным латентный сексизм повседневной жизни, продемонстрировав обыденную социальную практику гендерного неравенства в бытовых и тривиальных ситуациях. С этой целью анализировались воспоминания участниц исследования, а также варианты их коллективных интерпретаций запечатленного в памяти.

Видерберг подробно останавливается на алгоритмах работы с памятью, разработанных Хауг, поскольку следует им в своем эмпирическом исследовании. Успех работы в большой степени зависит от умения руководителя создать атмосферу полного доверия между всеми участниками проекта, а также между информантами и интервьюером. Учитывая феминистскую социально-теоретическую позицию Хауг, в ее проекте участвовали преимущественно женщины; им предлагалось выбрать тему, интересную для всей группы, затем детально описать на бумаге связанный с темой эпизод собственной биографии, где присутствовала гендерная дискриминация. Триггером, запускавшим работу памяти участниц, служила тематическая подборка фотографий. После этого письменные рассказы прочитывались вслух, без разглашения авторства, с последующей интерпретацией наиболее интересных случаев (без ссылок на подлинную трактовку событий той, с кем произошла описанная история). Вслед за принятием группой той или иной версии событий в качестве наиболее убедительной, как правило, предпринималась коллективная попытка «переписать историю» под новым, социальным углом зрения.

В собственном проекте Видерберг использовала те же методики и приемы, выбрав в качестве темы для обсуждения воспоминания, связанные с материнством (конкретнее – воспоминания информантов о матери друга / подруги детства в сопоставлении с образом собственной матери). Исследование проходило в форме однодневного семинара в Центре по изучению повседневности в Манчестерском университете. В семинаре участвовали преподаватели и студенты старших курсов в возрасте от 25 до 75 лет, интересующиеся гендерной проблематикой. Реконструируя этапы работы с памятью в ходе семинара, автор подчеркивает, что ее цель

состояла в том, чтобы добиться социальной трактовки морали жизненных историй, сохранившихся в памяти информантов (чему нас могут научить воспоминания на заданную тему - с точки зрения того, как «делается гендер» в повседневной жизни). Другими словами, для автора проекта имели значения не просто субъективные нарративы, но запечатленные в памяти отношения и поведенческие паттерны, а также стереотипы восприятия и действий (например, кто-то вспоминал, что мать друга была домохозяйкой, она была приветлива, добра и всегда угощала нас вкусным, а моя мама работала целый день и не могла тратить время на сантименты) [Widerberg, 2020, p. 50–52]. Работа памяти (и работа с памятью), замечает Видерберг, дает ключ к пониманию гендера в самых разных, в том числе бытовых его проявлениях, включая социальные роли родителей, отношения между родителями и детьми, братьями и сестрами, распределение домашних и иных обязанностей, шопинг и досуг и т.д. Практика семинара оказалась также весьма полезна с точки зрения новых перспектив критического социологического осмысления гендера в современном обществе. Благодаря жизненным нарративам, записанным на бумаге и прочитанным вслух (в том числе – с применением такого приема, как воображаемая смена гендерной принадлежности анонимного автора), и последующему коллективному их обсуждению, многие социально значимые рутинные проявления гендерного неравенства получили свое очевидное подтверждение, резюмирует автор.

Подводя итоги изучения повседневности методом работы с памятью, Видерберг подчеркивает, что память в действии – это не только инструмент, который делает доступным прошлый субъективный опыт, но и способ «связать нас вместе как членов общества, участвующих в его функционировании, <...> позволяя сохранять в памяти не только собственные истории, но также историю прошлых поколений и иных социальных групп» [Widerberg, 2020, p. 62]. Вместе с тем воспоминания и работа памяти – это не только реконструкция, но и интерпретация прошлого. Благодаря памяти конституируются новые отношения между прошлым и настоящим, которые структурируют пережитой и текущий опыт. Поэтому «память о прошлом – это не память о фактах, а воспоминания о том, как мы воображаем себе эти факты и конструируем их» [ibid., p. 63]. Кроме того, работа памяти имеет существенную культур-

ную и социальную специфику (одно и то же событие будет помниться по-разному в смысловых границах разных культур и социальных иерархий), т.е. культура, язык и статус в значительной мере детерминируют наши воспоминания, определяя, что следует помнить и что – забыть. Наконец, следует также иметь в виду, что записанный нарратив из прошлого – это способ не только приобрести знание, но и потерять его, поскольку воспоминания, зафиксированные на бумаге, блокируют память о том, что не попало в записи, точно так же, как визуальные образы прошлого ограничены материальным их отражением в виде фотографий. Все эти тонкости необходимо принимать в расчет при разработке перспективных эмпирических проектов с участием памяти, настаивает Видерберг.

Д. Лайон (Школа социальной политики, социологии и социальных исследований, Кентский университет, Великобритания) делится опытом эмпирического изучения темпоритмов повседневности [Lyon, 2020]. В своей работе она опирается на принципы ритм-анализа А. Лефевра [Lefebvre, 2004], преобразуя теоретические идеи французского социолога в способы выявления и описания ритмов обыденной жизни (на примере деловых будней крупнейшего в Британии рыбного рынка Биллингсгейт, который расположен в Лондоне). Калейдоскоп ритмов, их цикличность, повторяемость и смена участвуют в создании ткани обыденной жизни в не меньшей степени, чем материальные ее составляющие, убеждена Лайон. Однако «неосвязаемость» ритмического рисунка рутинных действий и практик значительно осложняет задачу социолога, которого заинтересовала специфика темпоритмов повседневности в тех или иных ее проявлениях. Для того чтобы зафиксировать ритмы привычных действий в виде ритм-анализа по Лефевру, необходимо приобрести навыки распознавания последовательности звуков, движений, жестов, их комбинаций и направления, и погрузиться в ритмическое содержание того или иного пласта обыденности, в том числе – в его овеществленной форме. Для решения этой задачи необходимы новые креативные эмпирические методы, которые дополняют сведения, полученные традиционными способами (включенное наблюдение и этнографическое исследование). Презентация таких креативных практик в контексте ритм-анализа как раз и составляет содержание эмпирического

проекта автора. В ходе своей работы Лайон попыталась применить идеи Лефевра – «мэтра пространственно-временного осмысления повседневной жизни с точки зрения ее темпоритмов» – для описания торговой жизни Биллингсгейта [Lyon, 2020, p. 122].

Кратко останавливаясь на содержании концепции Лефевра, Лайон подчеркивает, что французский социолог рассматривал ритм-анализ одновременно как объект и как способ, или прием, практического освоения временных и пространственных аспектов повседневности. Ритм-анализ, по замыслу Лефевра, помогает «различать и интерпретировать смену ритмов, в которых запечатлена эпоха» [Lyon, 2020, p. 123]. Лефевра интересовал процесс капиталистической колонизации социальной реальности, в частности – триумф линейного времени, характерного для индустриального образа жизни, которое вытесняет природную цикличность сельскохозяйственного уклада прежних времен. Этот критический мотив сохраняет актуальность и в наши дни, замечает Лайон; его влияние, в частности, ощущается в призывах к замедлению темпов жизни и возврату временной цикличности в противовес «ускоряющейся повседневности» современного мира. Однако противопоставление линейных и циклических ритмических рисунков обыденного в работах Лефевра не исчерпывает его прочтения пространственно-временных измерений социальной реальности; его трактовка этих измерений предполагает «более замысловатый взгляд» и может быть использована в качестве «инструмента для изучения и критики социальной жизни», – настаивает автор [ibid.].

Эмпирический проект Лайон как раз и представляет собой попытку практического применения «замысловатого взгляда» на ритмические составляющие торгового пространства рыбного рынка. Сегодня о ритм-анализе принято говорить не как о готовом методе, а как об аналитической ориентации, которая не укладывается в рамки противопоставления количественного и качественного способов изучения реальности. В социальных науках ритм-анализ используют преимущественно для характеристики мобильности, мест и локаций, природных сезонов, трудовой деятельности, а также досуговой и потребительской практик. Представляя свой вариант интерпретации повседневных жизненных ритмов, Лайон подчеркивает, что для нее, как и для Лефевра, принципиальное значение имеет использование ритм-анализа «в качестве вопло-

щенной феноменологической исследовательской практики». В связи с этим автор отдает предпочтение автоэтнографии – наблюдению и описанию откликов собственного тела на темпоритмы рынка в реальном времени и пространстве. Как писал в свое время Лефевр, субъект ритм-анализа должен прежде всего прислушаться к ответным реакциям собственного тела, и только ощутив его внутренний ритм, он может переходить к анализу ритмов внешних. Тело аналитика, таким образом, служит своего рода метрономом в отношении более широких внешних паттернов и взаимодействий. Аналитик «мыслит посредством тела»; для того чтобы интериоризировать ритм, необходимо в этот ритм погрузиться, «покинуть свое Я и отдаться его длительностям», – писал в свое время французский социолог [цит. по: Lyon, 2020, p. 124].

Эмпирический вариант такого погружения как способа интериоризации пространства и времени автор главы опробовала в 2012 г., во время регулярных (2–3 раза в неделю) посещений Биллингсгейта, где она на протяжении нескольких месяцев проводила целый рабочий день (с четырех утра до восьми вечера). В рамках проекта функции Лайон заключались в наблюдении и, по возможности, в организации мини-интервью с обитателями рынка, хотя несколькими годами раньше у нее получилось провести изнурительный день за прилавком в качестве помощника продавца. На этот раз задача состояла в том, чтобы окунуться в атмосферу Биллингсгейта, почувствовать на себе и в себе (в буквальном смысле) ритмы рыночных будней. Как этнографу Лайон предстояло выявить ритмический рисунок рынка, дифференцировать отдельные элементы ритмического ассамбляжа (звуки, жесты, темпы и траектории движения носильщиков, рабочих и покупателей), зафиксировать их с помощью фото- и видеосъемки и мини-интервью. Таким образом, телесное (воплощенное) погружение в ритмические циклы рынка по возможности дополнялось вербальной информацией, однако тело и органы чувств (слух, зрение, обоняние, осязание) оставались, по словам автора, ее главными помощниками на протяжении всего проекта.

Свою задачу Лайон как последовательница Лефевра видела в том, чтобы физически синхронизироваться с ритмическими циклами торгового пространства Биллингсгейта, распознавать их отдельные составляющие и сделать этот телесный опыт пригодным

для социологической интерпретации. Лайон характеризует свой опыт как воплощенную перцепцию ритмов рынка; для этого ей потребовались специфические «телесные настройки», чтобы собственные движения, жесты, походка, траектории и скорость передвижения, манера речи и стиль общения совпали с деловыми ритмами обыденной жизни Биллингсгейта. Попаданию в темпоритм в данном случае предшествовало ненамеренное нарушение автором сложившихся последовательностей и циклов в действиях работников и покупателей (по словам автора, она все время путалась под ногами). Именно так в первоначальном хаосе передвижений, контактов и поведенческих стратегий стали появляться повторяющиеся, завершённые и сменяющие друг друга ритмические циклы. «Благодаря воплощенному вниманию как исходному уровню моей этнографии, – пишет Лайон, – я смогла понять, как различные ритмы комбинируются друг с другом, образуя ассамбляжи, достигая пространственно-временной синхронности и / или дифференциации» [Lyon, 2020, p. 126].

Наряду с «использованием тела» в качестве камертона деловой активности рынка, автор главы интерпретировала данные, полученные в ходе полуструктурированных интервью и свободных бесед с добровольными респондентами из числа работников и завсегдатаев Биллингсгейта. Эти данные позволили сопоставить темпоритм рынка с обыденными жизненными ритмами за его пределами. В частности, Лайон выяснила, как ритмические особенности и циклы повседневной деловой жизни рынка ограничивают возможности досуга и отдыха работников, вынужденных вставать чуть свет и ложиться в то время, когда обычные люди собираются ужинать. Кроме того, оказалось, что ритмический рисунок деловой активности Биллингсгейта в значительной степени определяется внешними – сезонными и социальными – циклами (увеличение спроса перед праздниками, сроки отлова рыбы, сезонные колебания размеров улова, погодные условия, возможности транспортировки морепродуктов и их хранения и т.п.). Что же касается фиксации ритмов торгового пространства с помощью фотоаппарата, то полученная таким способом информация оказалась мало репрезентативной – вследствие ее статичности. Однако видеозаписи и коллажи послужили аутентичными источниками сведений, пригодных для последующих социологических обобщений [Lyon,

2020, p. 127–128, 133]. В заключение Лайон подчеркивает, что ритм-анализ может оказаться эффективным способом изучения «соседствующих ритмов повседневности» в терминах социальных наук, обещающая новые перспективы для социального осмысления повседневности с точки зрения ее пространственных, временных и чувственно воспринимаемых измерений [ibid., p. 134].

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография об оригинальных методах изучения обыденной жизни в современной европейской социологии, на наш взгляд, является новаторской по сути и будет полезна всем, кто интересуется теми или иными аспектами повседневных реалий современного мира.

Список литературы

Back L. Foreword : making the mundane remarkable // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. XIV–XVIII.

Female sexualization : a collective work of memory / ed. by F. Haug. – London : Verso, 1987. – 224 p.

Hall S.M., Holmes H. Introduction : mundane methods and the extra-ordinary everyday // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 1–14.

Holmes H. Material relationships : object interviews as a means of studying everyday life // *Mundane methods: innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 66–83.

Humphries C., Smith A. Talking objects : towards a post-social research framework for exploring object narratives // *Organization*. – 2014. – Vol. 21, N 4. – P. 477–494.

Lefebvre H. Rhythmanalysis : space, time and everyday life. – London : Continuum international publishing group, 2004. – 112 p.

Lyon D. Sensing rhythm // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 121–136.

Mundane methods : innovative ways to research the everyday / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – 312 p.

Widerberg K. Memory work : an approach to remembering and documenting everyday experiences // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* / ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 49–65.

Woodward S. Opening up material collections : adored, forgotten about, potent and mundane objects // *Mundane methods : innovative ways to research the everyday* /

ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 17–31.

Woodward S. Hidden lives of dormant things : cupboards, lofts and shelves // *Intimacies : critical consumption and diverse economics* / ed. by E. Casey, Y. Taylor. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. – P. 216–232.

Woodward S. *Why women wear what they wear*. – Oxford : Berg, 2007. – 224 p.

References

Back L. Foreword : making the mundane remarkable. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. XIV–XVIII.

Female sexualization : a collective work of memory. Ed. by F. Haug. – London : Verso, 1987. – 224 p.

Hall S.M., Holmes H. Introduction : mundane methods and the extra-ordinary everyday. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 1–14.

Holmes H. Material relationships : object interviews as a means of studying everyday life. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 66–83.

Humphries C., Smith A. Talking objects : towards a post-social research framework for exploring object narratives. *Organization*. – 2014. – Vol. 21, N 4. – P. 477–494.

Lefebvre H. *Rhythmanalysis : space, time and everyday life*. – London : Continuum international publishing group, 2004. – 112 p.

Lyon D. Sensing rhythm. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 121–136.

Mundane methods : innovative ways to research the everyday. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – 312 p.

Widerberg K. Memory work : an approach to remembering and documenting everyday experiences. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 49–65.

Woodward S. Opening up material collections : adored, forgotten about, potent and mundane objects. *Mundane methods : innovative ways to research the everyday*. Ed. by H. Holmes, S.M. Hall. – Manchester : Manchester university press, 2020. – P. 17–31.

Woodward S. Hidden lives of dormant things : cupboards, lofts and shelves. *Intimacies : critical consumption and diverse economics*. Ed. by E. Casey, Y. Taylor. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. – P. 216–232.

Woodward S. *Why women wear what they wear*. – Oxford : Berg, 2007. – 224 p.